

филоlogos '13

ЕЛЕЦКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.А. БУКИНА

Выпуск

18 (3)

Елец

2013

<i>Капинос Е.В.</i> Вариация на темы романа: «Поздний час» vs «Жизнь Арсеньева».....	56
<i>Kapinos E.V.</i> A variation on the themes of a novel: "A late hour" vs "The life of Arseniev".....	56
<i>Касимова Г.К.</i> Сопоставительный анализ структуры значений многозначных отглагольных и отсубстантивных существительных.....	62
<i>Kasimova G.K.</i> Comparative analysis of semantic structure of polysemantic verbal and denominal nouns.....	62
<i>Манерова К.В., Корышев М.В.</i> К истории европейского Просвещения: профессор истории и элоквиции И.-А. Гартман.....	69
<i>Manerova K.V., Koryshev M.V.</i> About the history of the European Enlightenment: professor for the history and rhetoric Johann A. Hartmann.....	69
<i>Морозова М.Х.</i> Мифологема «идеальной земли» в художественном дискурсе М. Пришвина.....	76
<i>Morozova M.Kh.</i> Mytheme of "the ideal earth" in M. Prishvin's art discourse.....	76
<i>Хашимов Р.И.</i> Русские историзмы, этнографизмы: проблема художественного перевода.....	81
<i>Khachimov R.I.</i> Russian historisms, ethnographisms: problem of literary translation...	81
<i>Ваффа Эльвия.</i> Диминутивы, обозначающие предметы одежды, в ранних рассказах А.П. Чехова.....	88
<i>Waffa Elwia.</i> The diminutives denoting clothing in Anton Chekhov's early short stories.....	88

Рецензии / Book reviews

<i>Харченко В.К.</i> Скоробогатова Е.А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени). Харьков: Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, 2012. 480 с.	93
<i>Kharchenko V.K.</i> Scorobogatova E.A. Grammatical meanings and poetic senses: poetic potential of Russian grammar (morphological categories and lexico-grammatical classes of a nomen). Kharcov: Kharcov nacional pedagogical university of a name G.S. Scovoroda, 2012. 480 p.	93

Публикации / Publications

<i>Чурилин Т.В.</i> Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа). Подготовка текста, публикация и комментарии О.К. Крамарь..	97
<i>Churilin T.V.</i> Tyapkatan, the Russian Comedy (The chronicles of a city and its people). Preparing for publishing, publishing and comments by O.K. Kramar....	97

Сведения об авторах	103
----------------------------------	-----

Для авторов	105
--------------------------	-----

к.ф.н. Манерова К.В., к.ф.н. М.В. Корышев

K.V. Manerova, M.V. Koryshev

**К ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: ПРОФЕССОР ИСТОРИИ
И ЭЛОКВЕНЦИИ И.-А. ГАРТМАН.**

ABOUT THE HISTORY OF THE EUROPEAN ENLIGHTENMENT:

PROFESSOR FOR THE HISTORY AND RHETORIC JOHANN A. HARTMANN.

В период Просвещения язык для немцев становится идеологическим средством понимания и идентификации себя как нации, в Германии возрастает интерес ко всему, что связано с изящным стилем: к обучению и преподаванию, к изучению риторики, ее истории. Статья посвящена одному из признанных мастеров элоквенции в Германии: профессору Марбургского университета Иоганна Адольфа Гартмана. Его научные интересы охватывали историю, философию, теологию, теорию стихосложения и риторику.

Ключевые слова: *И.-А. Гартман, риторика, европейское Просвещение, университет г. Марбурга, М.В. Ломоносов.*

For the German Enlightenment period in the first half of the 18th century, the concepts “Stil” (Style) and “Geschmack” (Taste) are the most enduring constants. One of the acknowledged German masters in elocution is professor at the University Marburg Johann A. Hartmann. He wrote more than 70 works about history, philosophy, theology and rhetoric. These works contribute to the becoming of the historical and philological German tradition and to the formation of the language for the humanities. His doctrine in rhetoric might inspire the researches of the Russian scientist M.V. Lomonosov.

Key words: *Johann A. Hartmann, rhetoric, German Enlightenment, University of Marburg, M.V. Lomonosov.*

Может показаться удивительным, но хорошо изученная история немецкого Просвещения постоянно открывает нам новые имена в контексте межкультурных связей ученых и университетов. Новый метафилологический принцип – взаимодействие культурных кодов – позволяет иначе взглянуть на историю становления научных контактов. Для немецкого Просвещения периода второй половины XVIII века понятия «Stil» (стиль) и «Geschmack» (вкус) являются устойчивыми константами, наряду с логико-философскими категориями «Vernunft» (разум) и «Denken» (мышление). Научный и пуристический интерес к немецкому способствует его развитию и утверждению в статусе языка народа, обладающего высокоразвитой культурой (нем. Kultursprache). В это время язык для немцев становится идеологическим средством понимания и идентификации себя как нации, и, как следствие этой тенденции, в Германии возрастает интерес ко всему, что связано с изящным стилем: к обучению и преподаванию, к изучению риторики, ее истории. Одним из признанных мастеров элоквенции в Германии считают профессора истории и элоквенции Марбургского университета Иоганна Адольфа Гартмана. Его интересы, согласно тенденции универсализма, характерной для ученых XVIII века, охватывают несколько сфер: историю, философию, теологию, теорию стихосложения, риторику, и несколько других аспектов.

Мы можем предположить, что имя этого немецкого просветителя сейчас известно очень немногим современным историкам науки только благодаря тому, что среди слушателей его лекций в Марбурге были трое студентов, приехавших в 1737 году из России

– М.В. Ломоносов, Д.И. Виноградов и Г.У. Райзер. На самом деле во многих исследованиях, которые посвящены деятельности М.В. Ломоносова как ратора и члена Исторического собрания Академии наук (М.И. Радовский, В.В. Фомин, П.Е. Бухаркин) упоминание о Гартмане не представлено, хотя отметим, что устойчивый интерес Ломоносова к проблемам риторики и, в особенности, к истории развился в Германии.

Подробную биографию немецкого просветителя, написанную на основе рассказов самого Гартмана, приводит Фридрих Вильгельм Штридер [11, 289-312]. Ф.В. Штридер отмечает следующее: Гартман сам начал писать свою биографию, но успел дойти лишь до эпизода в Португалии. Вдова Гартмана передала эти записи проф. Гаасу, он довершил очерк биографии Гартмана.

Иоганн Адольф Гартман (Johann Adolph Hartmann (известно 13 вариантов написания имени Гартмана на немецком языке), 10.03.1680 – 31 (?)10.1744, *по старому стилю*) родился в г. Мюнстере в семье имперского нотариуса, поверенного в делах, хранителя печати в церковном суде епископата Адольфа Генриха Гартмана. Начала латыни и католического вероучения Гартману преподавал домашний учитель, позже, а именно с 1689 года, обучение продолжалось в гимназии г. Мюнстера, где уроки патера Меера, иезуита, так повлияли на юного Гартмана, что он решил вступить в этот орден и посвятить свою жизнь изучению и преумножению сакрального знания. Однако во время обучения в гимназии Гартман интересовался не только толкованием Божественного писания, не меньший интерес представляли для него занятия светскими дисциплинами, а именно поэтикой, красноречием и философией, которые в гимназии вел талантливый профессор поэтики Иоганн Ремпен. Ремпен, иезуит и страстный приверженец католицизма, к методике обучения подходил как светский профессор, трактовал свой предмет широко и стремился привить своим ученикам универсальный подход к его изучению. Особое внимание в обучении Гартмана Ремпен уделял логике как одному из разделов философии, обязательному в гимназическом преподавании, а также занятиям по ведению диспута как необходимой подготовке к будущему вступлению в орден иезуитов. Гартмана в этих занятиях привлекали методические разъяснения профессора Ремпена о необходимости четко формулировать задачу и ясно выражать мысль в диспуте, о выборе средств убеждения, аргументации, то, чего впоследствии ему будет не хватать в самом учении иезуитов. Ремпен занимался с Гартманом до 1695 года, затем профессора сменил пастор Кнауф, однако его консервативная манера преподавания и ограниченное толкование философии так сильно отличались от интересных занятий профессора Ремпена, что Гартману приходилось изучать другие разделы философии во многом самостоятельно. Вынужденное самообучение, однако, принесло свои плоды, и в 1698 году Гартман успешно защитил избранные тезисы по философии и был принят в орден иезуитов.

Вместе с другими 6 кандидатами он отправился в семинарию города Трира, куда и прибыл в последний день мая 1698 года. В семинарии ордена новообращенный Гартман занимался так называемыми духовными упражнениями, заключающимися в основном в наблюдениях и размышлениях о тяжести греха, о наказании, вечном блаженстве, божественной любви. В обучении Гартману не хватало ясности и четкости в определении предмета, не хватало философского подхода, т.е. того, к чему он привык на занятиях с профессором Ремпеном. Кроме этого, Гартман стремился к занятиям светскими дисциплинами, собственно наукой, но основное обучение новообращенных в иезуитских семинариях ограничивалось формированием у семинаристов так называемой «рабской покорности» вышестоящим и отрицанием ценностей других религий, концепцией, сформулированной Игнатием Лойлой (нем. Kadavergehorsam). Гартман провел в семинарии г. Трира два года, по окончании в 1700 году он вернулся в Мюнстер, где снова занялся изучением философии и литературной поэтики. Следуя традиции иезуитов, не задерживаясь долго на одном месте, в 1701 году он переехал в небольшой город Косфельд на границе с Голландией.

Несколько неприглядных историй, в которых были замешаны монахи-иезуиты из этого города, и свидетелем которых был сам Гартман, оставили в его душе неприятный осадок и породили сомнения. Его поразило то, что поведение его братьев по ордену было в высшей степени греховным, нарушало все принципы, привитые им католической верой, но виновники не были наказаны, более того, их оставили в рядах ордена иезуитов.

Гартман попросил перевести его в другое место и в 1703 году получил направление в г. Эммерих-на-Рейне, где смог заняться тем, что его увлекало, а именно преподавать риторику и поэтику в гимназии. Среди его учеников было два протестанта, выгодно отличавшихся усердием и дарованием среди других мальчиков, и в ходе общения с ними полное предубежденное отношение Гартмана к людям не католической веры постепенно сменилось уважительным интересом к протестантизму, что в дальнейшем изменило не только его духовные и нравственные ориентиры, но и жизнь.

В возрасте 33 лет (1713 г.), сразу после получения ученого звания профессора, Гартман решил посвятить себя миссионерской деятельности. Согласно прошению, он получил назначение в Восточную Индию. Из Голландии через Англию в Португалию и далее по морю в Индию – таков был план Гартмана. По пути в Португалию случилось недоразумение: капитан английского судна, на котором плыл Гартман, принял появившиеся на горизонте корабли своего же соотечественника - английского адмирала Бинга - за варварские пиратские суда и завернул в северо-испанский порт Виго, отказавшись плыть дальше. Из этого портового города Гартману пришлось продолжать свой путь в Лиссабон по суше. В пути он заболел: как иносказательно пишет биограф, «португальский воздух подействовал на него губительно», в действительности же недуг Гартмана был следствием легочной инфекции, в те времена называемой «португальской лихорадкой»; по тяжести протекания эту болезнь приравнивали к чуме. Помощь Гартману оказали в иезуитском монастыре в Лиссабоне. Однако болезнь изнурила Гартмана, и настоятель монастыря посоветовал ему не продолжать свое путешествие с благими миссионерскими целями, а вернуться домой и продолжить свое служение в лоне католической церкви. Можно только догадываться о том, воспринял ли Гартман свой недуг и вызванное им крушение намерений как некий знак свыше, стал ли он свидетелем других неприглядных поступков братьев-иезуитов, какие беседы зародили в нем сомнение в истинности его веры, но в нем случился внутренний перелом: ценность католицизма утратила для него свое значение. По возвращении в немецкий г. Падерборн, он решил перейти в протестантизм.

В то время известным оплотом протестантизма в Германии было ландграфство Гессен (например, в 1686 году туда перебрались, спасаясь от преследования во Франции, около 4000 гугенотов), и Гартман решил искать пристанища там. Он подал прошение о защите гессенскому министру, и в 1715 году ему удалось перебраться в г. Кассель. Там же в 1715 году он перешел в протестантскую веру.

Не удивительно, что в протестантских графствах и княжествах Германии с недоверием относились к беглым иезуитам. Однако Гартману, прозелиту, разрешили не только преподавать в кассельском протестантском учебном заведении Collegio Carolino, но и выступать с речами по торжественным случаям при дворе суверена - ландграфа Карла Гессен-Кассельского. Студенты и коллеги превосходно отзывались о Гартмане, и 27 июля 1716 года решением ландграфа его утвердили в звании профессора философии и поэтики, позже - истории и элоквенции, чему 24 ноября Гартман получил соответствующее свидетельство. Отношение к Гартману в Гессене было особым, ландграф Карл высоко оценил личность и одаренность бывшего католического миссионера: по высочайшему повелению Гартману стали выплачивать высокое жалование и, что редко случалось, через полгода удвоили его.

С 1722 года профессор элоквенции и истории Иоганн Гартман преподает уже в Марбургском университете. Здесь Гартман читал лекции по своим любимым дисциплинам: красноречию, истории, философии, а также обучал студентов искусству ведения диспута.

«Работоспособность, честность, тщательность исполнения обязанностей и добродетель Гартмана принесли ему заслуженное уважение и многие материальные блага» [11, 297].

На сайте архива Марбургского университета размещен индекс лекций профессорского состава философского факультета Марбургского университета с 1722 по 1743 г., в который включены и лекции профессора И.-А. Гартмана (*Indices lectionum et publicarum et privatarum quae in Academia Marpurgensi*) [10]. Преподавательская «нагрузка» профессора Гартмана органично совмещала занятия по истории и стилистике, позже и по философии. Как можно предположить, основываясь на архивном материале, в качестве герменевтического источника и предмета обсуждения для занятий Гартман выбирал преимущественно авторов, носителей т. наз. «золотой латыни», произведения которых могли иллюстрировать студентам и толкование истории, и анализ приемов риторики. Как видно из анонса предлагаемых курсов, в разное время Гартман отдавал предпочтение следующим авторам и работам: это Цицерон, Тацит «Германия», Цезарь «Записки о Галльской войне», Светоний «Жизнь 12 цезарей», Валерий Максим «Достопамятные деяния и изречения», Луций Флор «Римская история», Тит Ливий «Римская история», Курций Руф «История Александра Македонского». Безусловно, предлагаемые для изучения работы свидетельствуют о прекрасной начитанности самого Гартмана, о его склонности к комплексному интерпретационному анализу. С другой стороны, именно этим авторам в отображении исторических событий свойственна острота восприятия жизни, а не только «кабинетная» ученость, что, безусловно, нашло свое выражение и в языке, в селекции языковых средств. Выбор произведений указанных авторов для комментирования можно назвать прекрасно продуманным. Так, Цезарь, Ливий, Валерий Максим – признанные уже в античности (военные) историки и мастера красноречия; Курций Руф, вероятно, уделял больше внимания риторике, чем исторической правде, однако, его сочинение написано образным языком, и, как известно, было источником для изложения основ стилистического анализа не только в немецких университетах.

Дополнительные практические занятия на философском факультете детализируют действительно обширные научные интересы Гартмана в области гуманитарных наук. В разные месяцы он занимался со студентами стилистикой, ораторским искусством, эпистолографией, всеобщей историей, историей Германии и отдельно Гессена, историей литературы, историей Священной Римской Империи, логикой, географией, геральдикой. Необходимо сказать, что Гартман не только преподавал данные дисциплины, как практик он с успехом применял их принципы и основные положения, например, в написании собственных трудов. Его библиография насчитывает свыше 70 работ. Гартман является, среди прочего, автором известных жизнеописаний понтификов XI и XII веков, вовлеченных в так называемый «спор об инвеституре» – Урбана Второго, Геласия, Каликстия. [6] Гартман – автор крупных работ по истории Германии, написанных преимущественно на латыни. С 1726 года ему было доверено написание истории ландграфства Гессена "Historia Hassiaca", эта работа вышла в трех томах (1741-1746 гг., третий том вышел уже после смерти автора). [7] Гартман интересовался и филологическими исследованиями: в работе «*Vera mentis notio ex probatis scriptoribus eruta et auspiciis serenissimi principis ac Domini Frederici Hassiae Landgravii Reliqua*» [9] проводится детальный этимологический и стилистический анализ понятий «*mens*» и «*anima*» в работах античных и других авторов. Гартман упоминается и в качестве научного консультанта и редактора для более чем 40 диссертаций по философии, теологии, теории стиля, истории, выполненных на философском факультете университета г. Марбурга. Также, принципы античного красноречия Гартман использовал при написании «окказиональных» речей: панегириков и надгробных речей, в этом он был особо искусен. Известными примерами панегириков в немецкой риторике являются речи Гартмана в честь своего суверена, короля Швеции и ландграфа Гессен-Кассельского Фридриха Первого

(ср. Panegyricos Friderico - Regi Suec. Nass. Landgr. cum die 2. Apr. 1720 Suecor. Rex esset renunciatus, dictus nomine Coll. Carolino. Cassel 1720. fol. [8]).

В 1737 году студентом Гартмана в Марбургском университете становится Михаил Ломоносов. Упоминания занятий Гартмана в историографии М. В. Ломоносова не часты. В списке «Сведения о лекциях, читанных в Марбургском университете», подготовленном для М.И. Сухомлинова и хранящемся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН, Фонд 20, опись № 006, единица хранения 59), не содержится подробного описания учебных занятий И.-А. Гартмана. М.И. Сухомлинов в статье о Ломоносове, студенте Марбургского университета пишет о профессоре элоквенции И.-А. Гартмане в следующем контексте: «... Гартман читал о римском красноречии, разбирал сочинение Цицерона *de officiis* также Тацита, Тита Ливия, Юлия Цезаря, Квинта Курция, преподавал также географию и отечественную историю» [5, 157]. Элоквенция и стихотворство имели в те времена прикладное назначение, а написание од и стихов было занятием многих. Это занятие оплачивалось – за речи королям и высокопоставленным лицам платили по 12 талеров, недовольные могли подать жалобу и требовать выдачи награды по «таксе, определенной уставом». По мнению М.И. Сухомлинова, именно под влиянием примера немецких литераторов, М.В. Ломоносов привык смотреть на торжественную лирику как на официальную обязанность.

Сотрудница архива Марбургского университета И. Ауэрбах, автор книги «Der hessische Löwe und der russische Bär» упоминает занятия, которые вел И.-А. Гартман: логика, универсальная история и история права.

М. В. Ломоносов мог посещать не только лекции «publice», но и практические занятия Гартмана, проводимые в формате «privatim», т.е. семинары для студентов, записавшихся на тот или иной предмет, в объеме, который определял сам профессор. Как следует из индекса лекций Марбургского университета, в апреле 1738 года темой занятий Гартмана была работа Курция Руфа «История Александра Македонского», весьма колоритный памятник римской литературы времени раннего принципата, который он мог предлагать и для разбора на дополнительных занятиях. Вот что пишет современный латинист А. А. Вигасин в предисловии к изданию: «История Александра Македонского» написана Курцием в некоем смешанном жанре: для истории здесь слишком много драматических преувеличений и внимания к одной личности, для биографии — слишком много событийной истории, описаний битв и походов. Это смесь исторического повествования и риторики, где последний элемент не менее важен, чем первый .. Курций Руф славится как мастер составления речей. Он выписывал их с особенной любовью и тщанием .. Речи построены по всем правилам античного красноречия, даже те, которые вложены в уста простых и грубых скифов. Они изобилуют яркими образами и риторическими фигурами, часто основаны на контрастах .. Имя Квинта Курция Руфа содержится также в списке знаменитых риториков середины I в. у Светония». [4, 19] Мы можем предположить, что М.В. Ломоносов знал эту работу Курция еще со времен обучения в Славяно-греко-латинской Академии, т.к. переводное русское издание было инициировано, по всей видимости, еще Петром Первым и появилось в 1709 году. На титульном листе первого русского издания значилось: «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя македонского, переведена повелением царского величества с латинского языка на российский лета 1709 и напечатана в Москве того же лета в октоврии месяце». В середине XVIII в. известный ученый и писатель Степан Крашенинников выпустил свой новый перевод, затем переиздававшийся. Об этой работе Н. М. Карамзин писал как о переводе «совершенном и классическом», который «и теперь имеет цену свою, по крайней мере, в сравнении с другими переводами латинских авторов». «Квинт Курций Руф, таким образом, внес свою лепту в развитие и русского литературного языка». [4,22]

Не берем на себя смелость утверждать, что занятия профессора И.-А. Гартмана могли оказать сильное влияние на риторическую концепцию М. В. Ломоносова. Скорее, эти занятия могли послужить источником опорных пунктов для последующей разработки

таковой. Некоторые наблюдения позволяют сделать вывод о близости научных интересов обоих ученых в области гуманитарных наук: риторики и истории. Остановимся на уже названном сочинении Курция Руфа. Так, в работе «Краткое руководство к красноречию» 1747 года М. В. Ломоносов в числе античных авторов упоминает и Курция Руфа: на «Историю Александра Македонского» указано 11 ссылок. Каждый раз Ломоносов берет из данного сочинения цитаты для иллюстрации примеров риторических фигур и приемов. Например, в параграфе 78 Главы пятой «О изобретении доводов». М. В. Ломоносов пишет: «Когда две энтимемы, сделанные из условных силлогизмов, соединены будут в силлогизм или, лучше, в энтимему разделительную, тогда рождается дилемма, довод обоюдный, который ради своей остроты по справедливости рогатым называют. Так говорят скифские послы Александру Великому у Курция, в книге 7:

Ежели ты бог, то должен ты смертным делать благодеяния, а не грабить; буде же ты человек, то помни, что ты такое.» [3, 6, 158]

В «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносов приводит подробные примеры и выдержки из сочинения Курция в главе «О возбуждении, утолении и изображении страстей», в разделах о надежде (с. 181) и гневе (с. 184). В главе «О изобретении витиеватых речей» Ломоносов в части о вымышленном действии приводит речь скифских послов к Александру:

«И скифские послы говорят Александру Великому у Курция, в книге 7:

Наконец, когда ты преодолешь весь род человеческий, то уже с лесами, со снегами, с реками и с дикими зверьями войну иметь будешь». [3, 6, 211]

Другие цитаты из «Истории Александра Македонского» приводятся в разделах об обращении, о расположении описаний, о прямой и косвенной речи, о вводной речи, об изречении, о присовокуплении. Безусловно, Ломоносов очень хорошо знал работу Курция Руфа и трактовал ее сообразно своим представлениям о риторической традиции.

Не только элоквенция, но и история Германии была предметом лекций профессора Гартмана в период обучения М.В. Ломоносова в Марбурге. В апреле и сентябре 1738 года исторический аспект в лекциях профессора Гартмана был представлен работами Корнелия Тацита по отечественной истории (*Collegium vero Historiae Germanicae*). Одним из новейших изданий Тацита в Библиотеке Академии Наук было франкфуртское издание 1725 г. М.В. Ломоносов читал эту работу и неоднократно ссылался на нее. Так, в полемике с Г.-Ф. Миллером по поводу диссертации «Происхождение имени и народа российского», а именно в изложении взглядов на происхождение роксоланов Ломоносов упрекает своего немецкого коллегу в незнании основополагающих источников: «Здесь примечания достойно, что господин Миллер вышеписанные о роксоланах свидетельства древних авторов, то есть Страбоновы, Тацитовы и Спартиановы, пропустил вовсе...» [1, 6, 29]. Следуя нашим наблюдениям, укажем, что в работе «Древняя российская история» [2, 6, 176]. М.В. Ломоносова ссылается на работу Тацита «*De situ, moribus et populis Germaniae libellus*» (Книга о положении, обычаях и народах Германии) в трактовке вопроса этнической принадлежности вендов.

В настоящей краткой статье мы представили заинтересованному читателю жизненный и научный путь немецкого просветителя И.-А. Гартмана, выразили полемические предположения о возможной цитации его взглядов в работах российского ученого М.В. Ломоносова. Данные наблюдения позволяют нам сделать вывод, что взаимовлияние немецкой и российской литературной и исторической культур в период Просвещения изучено еще далеко не полностью и постоянно открывает исследователям новые перспективы.

1. Ломоносов М. В. [Возражения на диссертацию Миллера] // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. — М.; Л., 1950—1983. Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747—1765 гг. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

2. Ломоносов М. В. [Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санктпетербургской императорской и королевской Шведской Академии наук] // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. — М.; Л., 1950—1983. Т.6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747—1765 гг. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
3. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила обоого красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. — М.; Л., 1950—1983. - Т. 7: Труды по филологии 1739—1758 гг. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
4. Руф К.К. История Александра Македонского. — М.: Издательство МГУ. — 1993.
5. Сухомлинов, М.И. ЛомоносовЪ студентЪ Марбургскаго университета. // Русский вестникЪ. -1861. - Т. XXXI, № 1. - С. 127- 165.
6. Hartmann J.A. Joh. Adolphi Hartmannni Vitae Pontificum Romanorum Victoris III., Urbani II., Paschalis II., Gelasii II et Callisti II. /olim editae nunc Honorii II vita auctiores Marburgi Cattorum: Mueller, 1742.
7. Hartmann J.A. Historia Hassiaca: Historiam Hassiae, Ad Annum Usque MCLXVII, Complexa, vol. 1, Marburgi Cattorum. Mullerus, 1741; (vol.2, Marburgi Cattorum. Mullerus, 1742; vol.3. Marburgi Cattorum. Mullerus, 1746).
8. Hartmann J.A. Panegyricos Friderico - Regi Suec. Hass. Landgr. cum die 2. Apr. 1720 Suecor. Rex esset renunciatus, diectus nomine Coll.Carolino. Cassel 1720.fol
9. Hartmann J.A. Vera mentis notio ex probatis scriptoribus eruta et auspiciis serenissimi principis ac Domini Frederici Hassiae Landgravii Reliqua. Marburgi Cattorum. 1730
10. Indices lectionum et publicarum et privatarum quae in Academia Marpurgensi. [Электронный ресурс] URL: <http://archiv.ub.uni-marburg.de/eb/2011/0004/view.html> (Дата обращения: 10.03.2013).
11. Strieder F.W. Grundlage zu einer Hessischen Gelehrten und Schriftsteller Geschichte. Seit der Reformation bis auf gegenwärtige Zeiten. Besorgt von F.W. Strieder. Bd. 5. Cassel. 1785.